

Чжу Юй открыл корзинку для еды, и оттуда поплыл аппетитный аромат готовых блюд. В тот же миг он почувствовал, что голоден так, будто готов проглотить собственный желудок.

— Еще два дня, и с этим будет покончено. — Чжу Юй сначала наложил еду Янь Цзинмо и спросил: — Ты в прошлом месте работал поваром?

Янь Цзинмо невольно рассмеялся: одной рукой он держал миску, а другой прижимал живот.

— Спасибо за комплимент, но я не повар.

— Раньше я просто возился со всякой едой, — пояснил Янь Цзинмо. — Целыми днями смотрел короткие видео с рецептами, насмотрюсь — и сам за плиту, вот со временем и научился готовить.

Чжу Юй уплетал за обе щеки:

— А что такое короткие видео?

— Э-э...

Янь Цзинмо замялся, не зная, как это попроще объяснить, и выдал первое, что пришло в голову:

— Да примерно то же самое, что выступления сказителей.

Странствующий сказитель рассказывает истории, а повар на видео готовит еду, и вокруг них всегда собирается толпа зевак. По сути, одно и то же.

Ха-ха.

Чжу Юй качнул головой:

— Очень вкусно.

Янь Цзинмо самодовольно ухмыльнулся и задрал нос:

— Еще бы.

Заметив такое выражение его лица, Чжу Юй уже собирался что-то сказать, как вдруг откуда ни возьмись перед ними выскочил какой-то человек.

Янь Цзинмо испуганно отпрянул и подвинулся ближе к Чжу Юю:

— Ты чего?

Это был тот самый парнишка по имени Ван Сяодао.

Ван Сяодао заглянул в его миску, и у него от жадности глаза на лоб полезли:

— Что это за мясо? Как пахнет!

Услышав похвалу своему кулинарному искусству, Янь Цзинмо гордо задрал уголки губ:

— Мясо по-дунпоски, ароматно, да?

Ван Сяодао закивал:

— Это ты приготовил?

— Угу.

Янь Цзинмо откусил большой кусок:

— Объедение!

Ван Сяодао сглотнул слюну, не сводя глаз с мяса в миске Янь Цзинмо.

В деревенских семьях мясо на столе — большая редкость.

Даже если хозяйки и готовят мясные блюда, в них попадают лишь жалкие кусочки, а остальное — овощной гарнир. Полноценное, крупное мясо можно увидеть разве что по большим праздникам.

Ван Сяодао был еще совсем мальчишкой, ему едва ли исполнилось пятнадцать — по современным меркам, в самый раз за школьной партой сидеть.

Янь Цзинмо потрепал Ван Сяодао по голове, взял другую миску, положил туда кусок мяса и налил немного бульона:

— Проголодался? Ешьвай.

Ван Сяодао заколебался. Он родился и вырос в Деревне Вейцао и прекрасно знал, насколько ценным было это угощение.

— Не хочешь? — Янь Цзинмо приподнял бровь и сделал вид, что забирает посуду назад. — Если не будешь, я тогда унесу.

Ван Сяодао инстинктивно прижал миску к груди и выпалил:

— Буду!

С этими словами он схватил миску с палочками и умчался.

Янь Цзинмо улыбнулся и снова принялся за собственную еду.

Чжу Юй все это время молчал, наблюдая за каждым движением Янь Цзинмо, и только теперь подал голос:

— Ему отдал, а сам-то?

— У меня еще кусок остался, — беспечно бросил Янь Цзинмо, опустив голову и отхлебнув бульону.

Чжу Юй переложил мясо из своей миски в тарелку Янь Цзинмо:

— Ешь больше, тебе нужно сил набираться, ты и так слаб здоровьем.

Янь Цзинмо на мгновение замер. Вспомнив слова, которые Чжу Юй вчера произнес в городе, он в конце концов проглотил рвавшееся с языка спасибо и послушно съел то, что оказалось в миске.

— Есть успехи, — заметил Чжу Юй.

— М? — не понял Янь Цзинмо.

Чжу Юй кашлянул в кулак:

— Ничего.

Они ели и болтали одновременно, и теперь атмосфера между ними стала намного непринужденнее, чем прежде.

Возможно, из-за того, что Чжу Юй узнал правду и понял, что перед ним не настоящий Янь Цзинмо, разговаривать с ним стало гораздо проще.

Едва они закончили трапезу, с улицы донесся пронзительный вопль Ван Сяодао.

Удивленный Янь Цзинмо торопливо встал на цыпочки, выглядывая за забор, и увидел женщину, которая тащила Ван Сяодао за ухо.

— Сяодао у нас малый неразумный, только что хлопот вам доставил, — с неловким выражением лица произнесла мать Вана — это была она. В руках женщина держала те самые палочки и миску, которые Янь Цзинмо недавно отдал мальчику. — Он... он часом не выпрашивал у вас еды?

Она отпустила ухо сына, полезла в карман и вытащила завязанный в платок сверток с лепешкой:

— Я тесто хорошо завожу, пусть до мяса ей далеко... но на вкус неплохо должно быть.

Ван Сяодао, потирая покрасневшее ухо, виновато пробормотал чуть слышно:

— Это Янь Цзинмо мне дал, я не выпрашивал...

Расспросив во всех подробностях, Янь Цзинмо наконец во всем разобрался: оказывается, Ван Сяодао даже не притронулся к тому куску мяса по-дунпоски, а сразу побежал отнести его матери.

— Тетушка, что вы такое говорите? — помолчав пару секунд, Янь Цзинмо улыбнулся, подтянул к себе мальчишку и произнес: — Это я сам Сяодао угостил. Паренек смысленный, почтительный, мне он с каждой минутой все больше нравится, какие уж тут хлопоты.

— А лепешку заберите.

Янь Цзинмо легонько толкнул Ван Сяодао локтем в бок, призывая подать голос:

— Мы с Чжу Юем уже сыты, в нас сейчас ни единого кусочка вашей лепешки не влезет. Если вы и впрямь хотите нас угостить, пожалуй, придется отложить это до следующего раза.

Мать Вана смахнула с глаз слезинку:

— Эх, ладно, ладно! В следующий раз тетушка сама наготовит вкусного, непременно заглядывай к нам.

Янь Цзинмо кивнул с улыбкой:

— Обязательно.

Проводив мать Вана взглядом, Янь Цзинмо не спеша побрел домой, неся в руке опустевшую корзинку, а Чжу Юй вернулся к полевым работам.

Сам Янь Цзинмо, конечно, не ведал, что из-за этого случая мать Вана, как только сын закончил управляться с их собственным наделком, заставила его помочь Чжу Юю доделать всю работу в поле, и лишь после этого они вернулись домой.

Сейчас же Янь Цзинмо был полностью поглощен мыслями о сюжете для своей повести. Поразмыслив так и эдак, он решил выбрать историю о ветреном ученом и хладнокровном монахе.

Книгочей хорош собой, куда ни придет — все от него в восторге, у него полным-полно друзей среди мужчин, и женское внимание ему обеспечено, в каких бы краях он ни оказался.

Монах же — его полная противоположность: он всей душой предан учению Будды и больше всего на свете презирает подобных повес и гуляк.

Кто бы мог подумать, что в конце концов тот добровольно склонит перед ним голову.

От одной этой мысли Янь Цзинмо пришел в восторг и даже придумал название.

Назовем ее «Ветреный ученый и хладнокровный монах».

Глава 10

Янь Цзинмо писал с огромным увлечением. Погруженный в собственный вымышленный мир, он даже не заметил, как зашло солнце, и опомнился только тогда, когда во дворе слышались шаги.

Вошел Чжу Юй с мотыгой в руке. Заметив, что весь стол завален исписанными бумагами, он сразу понял, что сочинительство шло у гостя на ура.

— Чего это ты на полу сидишь? Простудишься еще, — Чжу Юй взял один лист и бегло взглянул на него. Сам он грамоты не знал, но даже ему было видно, что иероглифы выписаны ровно, аккуратно и красиво.

Янь Цзинмо задрал подбородок, а в уголках его глаз и бровей плясала улыбка:

— Ну как?

Чжу Юй кивнул:

— Красиво.

Янь Цзинмо выхватил исписанный листок из его рук и шутливо стукнул мужчину по плечу, недовольно протянув:

— При чем тут красиво? Я спрашиваю, какова тушь? Получилось так же, как та, что в лавке продают?

Только теперь Чжу Юй обратил внимание на чернила, которыми велась запись. Вчера он видел бруски в лавочке торговца, и эти ничем от них не отличались.

Придвинув бумаги ближе, Чжу Юй всмотрелся с удвоенным вниманием и спросил:

— Как ты ее сделал?

Янь Цзинмо гордо вскинул подбородок, кивком указывая на сохнувшие под стрехой бруски:

— Из древесного угля и сажи со дна котла.

Под крышей дома ровными рядами лежали небольшие бруски туши. На вид они казались грубоватыми, но раз Янь Цзинмо сделал их сам, добиться такого качества было уже большим достижением.

Сам Чжу Юй в этом деле совершенно не разбирался.

Он понял, что этот человек не только нравом разительно отличается от прежнего Янь Цзинмо, но и познаниями своими превосходит любого ученого мужа.

Взяв брусок сосны в руку, Чжу Юй опустил взгляд, взвесил его на ладони, принялся и лишь спустя долгое время задал вопрос:

— Что еще добавлял?

Тушь источала слабый, чистый аромат с легкой горчинкой сосновой гари. Запах не бил в нос, а со временем становился даже приятным.

Янь Цзинмо с сияющей улыбкой наслаждался произведенным на Чжу Юя впечатлением. Закинув ногу на ногу, он беззаботно протянул:

— Еще немного клейкого риса.

— Потрясающе, — вынес вердикт Чжу Юй.

Янь Цзинмо великодушно принял похвалу и поднялся с пола. Просидев так целое послеобеденное время, он резко вскочил, из-за чего в глазах мгновенно потемнело. Голова закружилась с такой силой, что его качнуло вперед.

Чжу Юй с молниеносной реакцией подхватил его, надежно удерживая в объятиях, и встревоженно окликнул:

— Янь Цзинмо! Я отведу тебя к врачу!

Не дожидаясь ответа, он подхватил Янь Цзинмо на руки и бросился к выходу.

Янь Цзинмо замахал руками и принялся отчаянно вырываться:

— Не нужно, не нужно! Ортостатическая гипотензия, сейчас пройдет, пустяки.

— Опустим меня.

Не привыкший к такому обращению, Янь Цзинмо смущенно покраснел:

— Говорю же, все в порядке, просто резко встал.

Чжу Юй остановился и хмуро всмотрелся в лицо того, кто все еще был у него на руках. Лицо Янь Цзинмо выглядело нормальным, речь была связной — похоже, и вправду дело было лишь в резком движении.

Только тогда Чжу Юй опустил его на землю, но правой рукой продолжал придерживать за локоть на случай, если тот снова потеряет равновесие.

Янь Цзинмо уже пришел в себя и мягко высвободил руку:

— Расслабься, со мной все хорошо.

Все еще тревожась, Чжу Юй придвинул табурет, усадил Янь Цзинмо, а затем сбегал в комнату

за кружкой воды и поднес к его губам.

Янь Цзинмо на мгновение растерялся, но потом слегка откинул голову назад, избегая чужой помощи, сам взял из его рук кружку и сделал глоток.

— Раз ты так переживаешь, иди скорее готовь ужин, — с улыбкой произнес Янь Цзинмо. — Видимо, от голода у меня даже в ногах и руках такая слабость.

— Хорошо.

Дождавшись, пока Янь Цзинмо напьется, Чжу Юй унес кружку в дом и принялся за стряпню.

Кулинарные таланты Чжу Юя были самыми заурядными: еда получалась съедобной, но изысканной ее назвать точно было нельзя.

Янь Цзинмо чувствовал себя неважно и совсем не хотел обделять собственный желудок, поэтому притащил стул прямо к входу на кухню и принялся командовать процессом приготовления.

Время было позднее, так что выбрали блюда попроще: тарелка тушеных баклажанов, соленья и суп — на этом и порешили.

Когда ужин был готов, над маленьким двором уже опустилась ночная темнота, и лишь на кухне горел свет. Они вынесли во двор небольшой столик и уселись у очага.

Теплый желтоватый свет пламени падал на лицо Янь Цзинмо, окрашивая кожу легким румянцем. В его темных глазах отражались языки пламени, отчего казалось, что он весь светится изнутри и от него исходит уютное тепло.

Покончив с едой, Чжу Юй собрал посуду и пошел мыть ее.

Ужинали-то они вдвоем, и оставлять всю работу на одного Чжу Юй было бы бессовестно. Не сидеть же сложа руки?

У Янь Цзинмо совесть была чиста, но не настолько, чтобы позволить хозяйшке отдуваться за двоих. Он уже собирался подняться, чтобы помочь прибраться.

Однако широкая ладонь Чжу Юя легла ему на плечо и мягко водворила обратно на табурет:

— Сиди отдыхай, я вмиг управлюсь.

Оставив Чжу Юя возиться с хозяйством, Янь Цзинмо уселся у очага, зачарованно наблюдая за танцующими языками пламени в печи. Как же тоскливо...

<http://bllate.org/book/25482/3038596>